

Каков характер Чу Хуайчжи, они знали лучше всех: он просто падок на женскую красоту, а что для него значат дела государственной важности?

Так Сюй Минюэ и оказалась во дворце Лохуа.

Прошло несколько спокойных дней, но Чу Хуайчжи, казалось, совершенно забыл о её существовании: он ни разу не навестил её и даже не вспоминал о ней. В конце концов, шкала их взаимной симпатии была заполнена едва ли, и рассчитывать на то, что он будет постоянно думать о ней, не приходилось.

Сюй Минюэ знала, что сгоряча каши не сварить. С характером этого тирана, если бы она сама навязывалась ему на глаза и вызывала подозрения, это бы лишь накликало на неё смертельную беду.

Хотя Чу Хуайчжи тянул до последнего, ему всё же приходилось иметь дело с придворными чиновниками.

Старый премьер-министр уже не знал, что и делать. Добравшись до кабинета императора, он с болью в сердце произнёс:

— Ваше Величество, воины в Линьчжоу всё ещё ждут, когда мы их выручим.

Чу Хуайчжи бросил на него косой взгляд, продолжая двигать фигуры на своей доске для го, и рассеянно произнёс:

— Разве они еще не вернулись в столицу? Обсуди с генералом по защите государства, сколько войск отправить на спасение. Ху Циньюй — всего лишь военачальник, грубый вояка, стоит ли из-за него поднимать такой шум?

Премьер-министр возразил:

— Но сейчас гарнизон в столице насчитывает менее двухсот тысяч человек, а если начинать войну, придётся выделить по меньшей мере половину.

— Разве ста тысяч мало? Неужели эта шайка способна дойти до самой столицы? — Чу Хуайчжи, казалось, что-то вспомнил. — О, ты как раз напомнил Одинокому. Раз уж войск не хватает, Одинокий издаст указ о дополнительном призыве здоровых мужчин. Давайте-ка проведем обязательную мобилизацию всех от четырнадцати до пятидесяти лет.

— Ваше Величество, в прошлом году уже проводился призыв, издавать новый указ страшно неуместно.

— Это нельзя, то нельзя! Чжан Суй, по-моему, ты намеренно портишь Одинокому настроение!

Лицо императора мгновенно изменилось, и он холодно прикрикнул:

— Не думай, что раз пробыв премьер-министром несколько лет, так всё на свете знаешь! Смеешь ещё хоть слово сказать — заплатишься головой!

Старое тело Чжан Суя задрожало, и он онемел от страха.

Чу Хуайчжи раздражённо бросил:

— Убирайся, убирайся, убирайся! Есть дела — говори с теми министрами, а меня не смей донимать!

Премьер-министр всё ещё не оставлял надежды и снова заговорил:

— Ваше Величество мудр и воинствен, эти дела ваш покорный слуга не смеет доверять заботам государя. Однако Ваше Величество только что вернулся с победой, как вы намерены поступить с Сюй Чжу?

Только тогда Чу Хуайчжи вспомнил об отце и дочери Сюй. Он приподнял брови:

— Таких бунтовщиков и предателей — если не казнить их в назидание остальным, неужели их еще на руках носить?

Премьер-министр же произнёс:

— Такого человека мало даже четвертовать, но ваш слуга полагает, что сначала можно взять под контроль жителей города Гэчэн, а когда будет издана императорская воля, объявленная всему миру, казнить Сюй Чжу — лишь тогда это явит божественное величие Вашего Величества.

— В твоих словах есть доля резона, — Чу Хуайчжи потёр подбородок, размышляя. — Нужно, чтобы весь мир узнал, какая участь ждет тех, кто предает Одинокого.

Раз уж зашла речь о Сюй Чжу, Чу Хуайчжи, естественно, вспомнил и о Сюй Минюэ.

Он не видел её уже с полмесяца. Спросив в свободную минуту евнуха, он узнал, что её поселили во внутренних покоях.

Так даже удобнее.

Дворец Лохуа был запущен и уединен. Когда Чу Хуайчжи вошел в задние покои, Сюй Минюэ склонилась над столом и рисовала.

На ней было красно-белое платье, а волосы на затылке были разделены на две пряди и уложены так, что напоминали то ли кошачьи ушки, то ли заячьи. Спереди красовалось серебряное украшение хуашэн, излучающее живую энергию.

Из ниоткуда протянулась изящная рука с отчетливо видными суставами и вытянула из-под её кисти рисунок. Чу Хуайчжи принялся разматривать туманный пейзаж, выведенный тушью: на картине был запечатлен двор дворца Лохуа, сухой колокол и дерево бегонии.

— А ты ещё и рисовать умеешь.

Еще бы! В своё время в интернете она была популярной художницей с десятками тысяч подписчиков!

— Время убиваю.

Сказав это, она внезапно сообразила, к чему всё идет, и с остекленевшим лицом, неуклюже откланявшись, приветствовала его:

— Приветствую Ваше Величество.

Он вернул свиток на место, глядя на неё свысока:

— Сегодня придворные заговорили о твоём отце, и Одинокый намерен выставить его голову на всеобщее обозрение.

Произнося эти слова, он заметил, как тело Сюй Минюэ заметно напряглось. С улыбкой он ухватил её за подбородок:

— Тебе его жаль?

Сюй Минюэ немного помолчала и ответила:

— Ваше Величество хочет увидеть, как мне всё равно, или как я горюю и обливаюсь слезами? Как-никак, он мой отец.

— Мне нет дела до его жизни и смерти, — он неторопливо опустился на мягкое кресло и прижал её к себе. — Зато мне безумно жаль твоего личика. Разве не будет обидно, если оно пропадет?

У Сюй Минюэ действительно было лицо, способное влюбить в себя с первого взгляда — утонченный овальный подбородок в сочетании с живыми, выразительными глазами, от которых у любого замирало сердце. Так что поначалу увлечение Чу Хуайчжи её красотой было вполне закономерным.

Но поскольку в дальнейшем их чувства не были глубокими, сколь бы прекрасной она ни была, для него она оставалась лишь украшением в покоях, поэтому он и не докучал ей постоянным вниманием. Теперь же, когда вновь зашел разговор о Сюй Чжу, в памяти Чу Хуайчжи всплыл её образ, и в нем вновь пробудился свежий интерес.

Заметив в её глазах отпор, он понизил голос, добавив в него угрозу:

— Как-то раз одна из наложниц оказалась непослушной, и Одинокий убил её. А потом пожалел, поэтому велел достать её кости ног и сделать из них пипефу, чтобы тосковать по ней. Иначе давай-ка Одинокий сначала содерет с тебя кожу вместе с этим лицом — хоть будет потом о ком горевать, глядя на вещь.

Сюй Минюэ: «??? Дружище, ты с дуба рухнул?»

Сюй Минюэ искренне хотела выделить денег, чтобы отправить его на осмотр в психиатрическую больницу.

— Ваше Величество хочет услышать, как я молю о пощаде? — она глубоко вздохнула, встречаясь взглядом с этой чернотой глаз.

— Одинокий намерен пожаловать тебе титул цзеюй, и отныне ты будешь жить в глубоких покоях дворца, — чем дальше он говорил, тем больше эта идея казалась ему великолепной. — Стоит только представить безумный вид Сюй Чжу, как Одинокому становится радостно.

Неужели Сюй Чжу оскорбил его человеческое достоинство? Столько злобы.

Просто вылитый уличный пацан в крашеной шевелюре, уведший чистую студентку!

Сначала надевай носки, потом обувь; сначала побудь внуком, а потом дедом — она не верила, что не сможет переломить ситуацию!

[Шкала симпатии +10]

Наконец она подала голос:

— И какая тебе от этого выгода?

Он усадил её на край кровати, не сводя с неё жгучего взгляда, в котором читалось непреклонное стремление взять своё.

— Прежде чем Одинокий решит тебя убить, ты должна исчерпать всю свою пользу до капли. С этого момента твоя жизнь и смерть принадлежат Одинокому.

После бурной ночи веки Сюй Минюэ отяжелели настолько, что она не могла их разомкнуть.

Даже если это спасение темного лунного света, этот Чу Хуайчжи просто невероятно мрачен — неужели в нем вообще осталась хоть капля надежды на искупление?

В полудреме она услышала, как он наклонился к её уху и прошептал:

— Какого титула ты хочешь?

Рассудок внезапно прояснился, она холодно усмехнулась и бросила:

— Ваше Величество, я вам ничего не обещала.

Он мгновенно остыл от своих нежных ласк, словно его с ног до головы окатили ледяной водой — до мозга костей холодной. Пронзительно открыв глаза, он протянул руку, крепко сжал её горло, и его мрачный взгляд впился в неё мертвой хваткой.

В этот момент Сюй Минюэ увидела, что его шкала гнева подскочила до восьмидесяти.

— Раз по-хорошему не понимаешь, отведай кнута! — он с размаху ударил её головой о кровать, соскочил с ложа и бросил холодные слова:

— Чем больше ты противишься, тем сильнее Одинокий хочет видеть ваши с отцом мучения.

<http://bllate.org/book/18796/1826754>